

Г. Властов

Теогония Гезиода и Прометей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г. Властов**
Теогония Гезиода и Прометей / Г. Властов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 599 с.

ISBN 978-5-4241-7638-8

Теогония Гезиода и Прометей

ISBN 978-5-4241-7638-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

горя и насилія“ (Р. и Дн. 146). Называется оно мѣднымъ, потому что сражается мѣднымъ оружіемъ, не зная желѣза.

Оно связуется, какъ мы думаемъ, съ тѣми враждебными грекамъ племенами, которыя отчаянно дрались съ ними на „мѣдномъ полуостровѣ Халкидиде“¹⁾.

Замѣчательно также, что это третье поколѣніе „не знало еще хлѣба“ (Р. и Дн. 143—151), что связуетъ его съ тѣми пелазгическими племенами, о которыхъ говоритъ Павзаній, которыя не знали хлѣба, питались желудями и которыхъ дѣти вымирали отъ голода, пока Деметеръ не научила ихъ земледѣлію (см. въ отд. Прометей стр. 227 и слѣд.).

Всѣ три поколѣнія легенды чтутъ какъ начало всего и какъ высшихъ боговъ своихъ Небо и Землю; но четвертое поколѣніе является представителемъ новаго религіознаго воззрѣнія, въ которомъ свѣтлое небо Дій принимаетъ форму Зевса, все болѣе и болѣе приближающагося къ человѣческой формѣ. Современниками четвертаго поколѣнія въ Греціи является враждебное имъ третье поколѣніе, оставшееся вѣрнымъ древнѣйшему культу неба и земли съ тьмою духовъ, населяющихъ міръ. Замѣтимъ, что этому культу остаются вѣрными доселѣ всѣ народы великой Азіи отъ Китая до Урала, кромѣ принявшихъ исламъ²⁾.

Этотъ же культъ Неба и Земли мы находимъ и въ поэмѣ Р. и Дни Гезіода (121 — 126; 141 — 142 и пр. въ нашемъ изд. 1885), и въ восклищаніи Прометея въ трагедіи Есхилла (см. стр. 204 наст. труда). Къ этому міровоззрѣнію повторяемъ мы принадлежитъ и весь сонмъ прелестныхъ и страшныхъ духовъ, перешедшій въ культъ грековъ подъ именемъ нимфъ разныхъ наименованій, лѣсныхъ духовъ, сатировъ,

¹⁾ См. Аполлодора I, 6, § 1—3; Еврипида Іонъ ст. 988. Подъ именемъ Халкидиде разумѣлись всѣ три косы полуострова, изъ которыхъ самая южная называлась Флегра, или Паллена. Замѣтимъ, что можетъ быть легенда о трехъ первыхъ поколѣніяхъ, изъ которыхъ третье есть враждебное аріямъ раса, сложилась еще на склонахъ Гималая и перенесена въ Грецію. См. въ настоящемъ трудѣ стр. 360—361.

²⁾ Мы намѣренно не исключаемъ буддистовъ, удержавшихъ множество древнѣйшихъ вѣрованій. Но и о мусульманахъ мы прибавимъ, что міръ джинновъ (гешіевъ) также окружаетъ ихъ какъ и приверженцевъ всѣхъ другихъ культовъ въ Азіи.

силеновъ и другихъ образовъ, созданныхъ еще въ великой Азіи. Сплавъ ведическаго міровоззрѣнія съ міромъ духовъ произошелъ точно такимъ же образомъ, какъ онъ произошелъ въ Месопотаміи между кушито-семитами и аккадами, какъ о томъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы замѣтимъ, что въ греческихъ сказаніяхъ Земля, какъ верховная богиня туземныхъ племенъ, — называемыхъ рожденными отъ Земли и змѣями, — покровительствуетъ имъ и часто защищаетъ ихъ отъ Зевса ¹⁾).

Нашествіе послѣднихъ завоевателей Балканскаго полуострова, которыхъ мы знаемъ подъ именемъ ахеянъ и дорійцевъ и которые шли съ новымъ ведическимъ міровоззрѣніемъ, нашло на территоріи будущей Греціи смѣшанное народонаселеніе, состоящее во первыхъ изъ дикихъ и свирѣпыхъ племенъ гигантскаго роста, которые по мнѣнію покойнаго Катрфажа (см. на стр. 165 выписку изъ его письма ко мнѣ) по всей вѣроятности суть остатки людей четвертой геологической эпохи, къ которымъ надо причислить и упоминаемыхъ въ Библии рефаимовъ и тѣхъ людей, гигантскія кости которыхъ попадаютъ при раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ. Это „люди горя и насилія“, говоритъ Гезіодъ (Р. и Дни 146); это „буйные гиганты“, какъ называетъ ихъ Одиссея VII, 59—60 (ср. еще id. ст. 203; X, 120 и слѣд.).

Подлѣ этихъ „людей насилія“ осѣло на полуостровѣ и на окружающихъ его островахъ многочисленное пелазгическое населеніе, родственное по крови вторгнувшимся аріямъ, но ранѣе этихъ послѣднихъ вышедшее изъ общей ихъ родины. По всей вѣроятности эти старѣйшіе выходцы изъ арійской семьи долго бродили по степямъ Азіи и южной Россіи и совершенно примкнули къ той своеобразной культурѣ, которая изобрѣла, говоря словами Прометея, *Граммю*, *Ариемось*, врачевство, мантику, знахарство, прирученіе жи-

¹⁾ См. напр. въ битвѣ гигантовъ стр. 47 созданіе Землею особой головы со змѣями, высланной ею на помощь гигантамъ. См. въ текстѣ стр. 211—212, 294—297 и по Указателю *Горгона азіатская*, которую мы настойчиво отличаемъ отъ Медузы ливійской.

вотныхъ и металлургію ¹⁾). Они не знали Зевса и были враждебны ведическимъ аріямъ, но настолько слабы, что легко подчинялись ихъ власти, отстаивая однако упорно свои древніе обычаи и воззрѣнія.

Къ этимъ двумъ древнѣйшимъ частямъ населенія надо присоединить іонянъ, родныхъ братьевъ аріевъ, но также ранѣе созданія ведической поэзіи вышедшихъ изъ общей арійской родины. Это племя, котораго имя незабвенной памяти Θεод. Ив. Буслаевъ, опираясь на Пикте, производилъ отъ санскр. іавана, „*молодой, юный*“ ²⁾, по всей вѣроятности получило это прозвище какъ толпа искателей приключеній, которыхъ называли (если мы переведемъ это прозвище на нашъ языкъ, столь близкій къ санскритскому) *юнаками, молодцами*. Они рано заняли берега Малой Азіи, острова и Аттику и повидимому во время ахейскаго періода не только сочувствовали пелазгамъ, но и поддерживали ихъ. На нихъ, сколько мы могли уяснить себѣ ихъ культуру, — отразилось сиропиникійское и вавилонское вліяніе ³⁾ и отчасти египетское.

Кромѣ вышеупомянутыхъ племенъ ведическіе аріи находятъ на Балканскомъ полуостровѣ разныя колоніи, изъ которыхъ самыя многочисленныя и сильныя были колоніи финикійскія. Вездѣ повидимому греки были встрѣчены финикійцами дружелюбно, — потому, какъ мы думаемъ, что оба культурные народа чувствовали необходимость дѣйствовать дружно противъ дикихъ и некультурныхъ племенъ. Мы присовокупимъ здѣсь, что въ числѣ послѣднихъ были племена съ утробнымъ правомъ ⁴⁾.

¹⁾ См. стр. 169—218 и весь отдѣлъ о Прометѣѣ. Замѣтимъ, что *Грамма* (бирки, знаки памяти, превратившіеся въ гвоздеобразные знаки) приписывается ассириологами акадамъ Месопотаміи. Ариемось, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, есть счетъ пятами, счетъ днями, о которомъ сохранялась благоговѣнная память. См. стр. 235—236.

²⁾ См. Русскій богатырскій эпосъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 года.

³⁾ Замѣтимъ, что во главѣ ихъ космогоніи и космогоніи Гомера стоятъ небо и земля, какъ у всѣхъ аріевъ и пелазговъ, а Океанъ и Тетисъ (Тетфиса) См. Илиаду XIV, 246 и ср. тамъ-же ст. 201.

⁴⁾ Къ которымъ мы не колеблясь причисляемъ гетерическія племена, называемыя амазонками (См. по указателю Амазонки).

Обо всѣхъ этихъ племенахъ и слѣдахъ, оставленныхъ ихъ культомъ и обычаями на всемъ стрѣ жизни классической Греціи, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы укажемъ только, что сказанія и мифы, записанные въ твореніяхъ Гезіода, потому для насъ особенно важны, что на его поэмахъ, — а не на космогоніи Ипалды и Одиссеи, — построено все зданіе греческой мифологии, остававшееся неизмѣннымъ для всѣхъ послѣдующихъ поэтовъ и въ особенности трагиковъ. Трагики, не отступая отъ гезіодической мифологіи и не измѣняя сущности его сказаній, добавляютъ только къ его легендамъ множество драгоценныхъ сказаній, которыхъ источникъ мы не всегда можемъ указать, но изъ которыхъ многія очевидно почерпнуты изъ пелазгическихъ воспоминаній. Мы въ особенности указываемъ на Есхилла, который не только, какъ великій геній, одаренъ былъ способностью читать въ душѣ человѣческой, но повидимому съ особой любовью изучалъ туземныя пелазгическія преданія и въ своихъ трагедіяхъ является истолкователемъ скорбей, мыслей и чувствованій туземнаго населенія ¹⁾. Мы въ своемъ мѣстѣ сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ его трагедій, доказывающихъ правильность этого взгляда.

Изучая его и другихъ трагиковъ въ связи съ мифографами, какъ Аполлодоръ, и съ Павзаніемъ, — этимъ наблюдательнымъ путешественникомъ и знатокомъ преданій, — мы увидимъ, какъ среди туземнаго населенія упорно держался древній строй ихъ жизни и съ какими трудностями приходилось бороться грекамъ, чтобы упрочить свое умственное и нравственное вліяніе на туземное населеніе и ввести среди него болѣе мягкіе нравы, уваженіе къ праву, и пріучить его къ земледѣлію, обезпечивающему его отъ голода.

Но греки, близко соприкасаясь съ туземными племенами и наконецъ сливаясь съ ними, и сами нѣсколько подчини-

¹⁾ См. напр. Есхиллову трагедію «Семь противъ Фивъ»; въ ней весь интересъ сосредоточенъ на Етеоклѣ, который лишаетъ брата своего погребенія за измѣну національному дѣлу (ср. ст. 69; 105—135, 1005—1025). Съ другой стороны Еврипидъ въ трагедіи Финикійянки проводитъ чисто греческій взглядъ. Онъ особенно (ст. 154—156; 504—506) сочувствуетъ Полинику и грекамъ.

лись ихъ воздѣйствію, что въ особенности замѣтно въ періодъ ахейскаго преобладанія. Кромѣ того, отъ туземныхъ населеній греки заимствовали многія знанія, которыя перечисляетъ Прометей въ трагедіи Эсхилла, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Окончательное сліяніе туземцевъ съ греками и ихъ знаній съ культурой греческой выразилось образно въ примиреніи Прометея съ Зевсомъ при посредничествѣ Геракла, который есть самъ народъ греческій; котораго сила („сила Гераклова“) есть сила всего народа греческаго и котораго работы суть сумма работъ всего народа греческаго; точно также какъ въ Микулѣ Селяничѣ воплощена идея о суммѣ силъ и работы народа русскаго; точно также какъ тропа, пробитая Ильей Муромцемъ, есть тропа, пробитая цѣлымъ народомъ русскимъ. Это мѣны этническіе, не солнечные.

Мы въ особенности настаиваемъ на этомъ образѣ пониманія *нѣкоторыхъ* мѣновъ, хотя онъ совершенно не согласуется со взглядами глубоко уважаемаго нами Макса Мюллера.

Когда настоящій трудъ нашъ былъ наполовину уже напечатанъ, мы познакомились съ послѣднимъ трудомъ его, который появился въ настоящемъ 1897 году подъ названіемъ: „Contributions to the Science of Mythology“¹⁾. Въ сущности работа эта не вноситъ ничего новаго въ тотъ взглядъ, который установился въ школѣ сравнительной мѣнологіи, которой присвоено названіе школы Этимологической, или Генеалогической. Это сводъ того, что знаменитый ученый высказалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ и чтеніяхъ въ продолженіе своей долгой трудовой жизни, съ добавленіемъ многихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ.

Основнымъ принципомъ его остается убѣжденіе, что вся греческая мѣнологія (и всѣ арійскія мѣнологіи) объясняются исключительно солнечными, астрономическими, атмосферными и вообще природными феноменами. Въ санскритскихъ именахъ ведическихъ божествъ и природныхъ явленій и въ

¹⁾ London Longmans and Co 1897. Два тома съ однимъ общимъ счетомъ страницъ 1-й томъ: 1—425 стр. 2-й томъ 427—864 стр.

сближеніи съ ними греческихъ именъ и названій ищетъ онъ общій ключъ къ разумѣнію всѣхъ греко-латинскихъ (и общегреческихъ) мифовъ, опираясь на этимологию языковъ родственныхъ санскритскому.

Осмѣлимся сказать, что приверженность великаго ученаго къ ведическимъ гимнамъ со всей санскритской литературой и къ этимологическимъ сближеніямъ приводитъ его къ нѣсколько узкому взгляду на сказанія и легенды.

Несомнѣнно, что онъ совершенно правъ, борясь противъ узкаго евхемеризма¹⁾; но между евхемеризмомъ и признаніемъ этнической легенды есть огромная разница. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что всѣ мифологическія сказанія ничего не изображаютъ и ничего не напоминаютъ кромѣ природныхъ явленій и солнечной драмы. М. Мюллеръ совершенно отрицаетъ рожденіе мифологическихъ рассказовъ на реальной почвѣ земныхъ историческихъ событій²⁾. Онъ говоритъ напр. на стр. 63: „Для тѣхъ, которые стараются открыть историческіе элементы въ мифологии и эпической поэзіи, мы напоминаемъ, что въ сочетаніи мифа и факта мифъ появляется первымъ („comes first“).

Такимъ образомъ для Макса Мюллера,—какъ онъ самъ говоритъ,—походъ на Трою и разрушеніе ея греками подъ главенствомъ Агамемнона, „не есть историческое событіе“ (pp. 631—632).

„Нельзя, говоритъ онъ, защищать историческій характеръ существованія Елены“, ибо „она заря, сестра близнецовъ Кастора и Поллукса, т. е. утра и вечера“ (pp. 48—49; 108, 636 etc.).

Всѣ раскопки въ Гиссарликѣ для него не имѣютъ историческаго значенія. „Мы вышли (говоритъ онъ) изъ того періода изученія мифологии, когда старались открыть дворецъ Пріама въ Гиссарликѣ“ (стр. 626).

Такимъ образомъ по этой теоріи нѣтъ историческаго событія, которое могло бы оставить по себѣ сказанія и только

¹⁾ Contrib. etc. pp. 177, 442 et coet.

²⁾ См. O. cit. «Historical traditions», pp. 78—80 и см. ниже.

впослѣдствіи обратиться въ мифологическій разсказъ; между тѣмъ какъ мы держимся именно обратной теоріи.

Поэтому, по теоріи М. Мюллера, ни путешествія и открытія на западѣ финикіянь, ни путешествія по слѣдамъ ихъ грековъ—не могли подать повода къ легендарнымъ повѣствованіямъ: всѣ разсказы объ этомъ суть ничто иное, какъ символика движенія солнца отъ востока къ западу. Точно также никакія воспоминанія о борьбѣ племенъ между собою, объ эмиграціи ихъ, объ изобрѣтеніяхъ, или улучшеніяхъ въ бытѣ народа, объ уничтоженіи разбойничьихъ шаекъ, объ осушеніи болотъ, о введеніи посѣвовъ, о каннибализмѣ предковъ, объ отмѣнѣ человѣческихъ жертвоприношеній не могли служить предметомъ сказаній? Неужели все это ничто иное, какъ солнечные, или атмосферные мифы?

Едва ли это такъ.

Чтобы не обременять читателя выписками, мы упомянемъ еще только объ одномъ взглядѣ достопочтеннаго М. Мюллера, съ которымъ мы не можемъ согласиться и который ясно устанавливаетъ разницу, существующую между школами Этимологическою и Этническою.

По поводу мифа объ Іазіонѣ, который „совокупился съ Деметеръ на полѣ три раза вспаханномъ“¹⁾, вслѣдствіе чего родится Плутусъ (богатство), М. Мюллеръ спрашиваетъ: „Но кто же бы могъ зачать съ Деметеръ богатство кромѣ солнца?“ (O. cit. p. 437).

Намъ кажется, что отвѣтъ совсѣмъ другой. Мать-земля (не вспаханная), оплодотворенная солнцемъ, производитъ многіе дары, но если земледѣліе не введено, то плоды земли не удовлетворяютъ потребности населенія. Пока пелазги питались желудями, не зная хлѣба, дѣти ихъ вымирали отъ голода, какъ описываетъ это легенда, которую читатель найдетъ въ своемъ мѣстѣ. Спасаетъ ихъ Деметеръ, представительница обработанной земли, уча ихъ земледѣлію и вскармливая ихъ отроковъ. Оттого она и *куротрофосъ*, „вскармливающая отроковъ“.

¹⁾ Гезіода Теогонія ст. 965—974.

Имѣя это въ виду, мы даемъ иное чѣмъ Максъ Мюллеръ объясненіе сказанію о Іазонѣ. Богатство родитъ отъ матери земли *земледѣлецъ*, вспахивающій ее. Мы увидимъ ниже, что Іазонъ прямо названъ у Гезіода *смертнымъ* въ перечнѣ богинь, „*которыя со смертными вошли на ложе, хотя сами были безсмертны*“. (Теог. ст. 967—968).

Отрицать совершенно этническія легенды, переходящія въ мифъ, невозможно. Замѣтимъ, что мы и не думаемъ отрицать мифовъ, возникающихъ прямо изъ поэтическаго представленія о грозномъ, или прекрасномъ явленіи природы. Мы думаемъ, что и этническія легенды, имѣя въ основаніи земное реальное событіе, могутъ также переходить въ солнечный, или атмосферный мифъ, но мы убѣждены въ томъ, что эта окраска есть послѣднее перерожденіе этнической легенды, а не наоборотъ, какъ думаетъ Максъ Мюллеръ.

Этническія легенды повѣствуютъ о дѣйствительныхъ событіяхъ на основаніи рассказовъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Рассказы эти украшаются вымыслами, но въ основаніи ихъ лежатъ факты. Замѣтимъ еще, что въ этихъ сказаніяхъ чудесное никогда не приписывается ни солнцу, ни лунѣ ¹⁾, ни какому либо космическому вліянію; сверхъестественныя явленія въ этихъ сказаніяхъ приписываются иногда только злымъ, или добрымъ духамъ, или душамъ умершихъ предковъ. Чаше же всего въ древнѣйшихъ былинахъ и сказаніяхъ, какъ мы говорили уже выше, самъ народъ воплощается въ образъ героя, совершающаго великіе и чудесные подвиги.

Таковы по нашему мнѣнію начала этническаго сказанія, которое не прошло еще черезъ уста поэтовъ. Но возникновеніе этнической легенды не исключаетъ въ то же время возможности появленія выдающихся умовъ, обладающихъ чувствомъ прекраснаго и одаренныхъ способностью передавать свои впечатлѣнія въ музыкально построенной рѣчи. Они то впервые развиваютъ среди народа чувства наслажденія при

¹⁾ Сказки, въ которыхъ играютъ роль солнце, или луна, какъ очеловѣченныя божества,—позднѣго происхожденія. Это произведенія воображенія. Ничего подобнаго не встрѣчается въ сказаніяхъ.

созерцаніи красоты природныхъ явленій и они же создаютъ языкъ для выраженія своихъ впечатлѣній. Имъ только принадлежитъ созданіе поэтическихъ образовъ и солнечныхъ и атмосферныхъ мѣровъ и развитіе языка. Очевидно,—по крайней мѣрѣ для насъ, — что простой рассказъ о дѣйствительномъ событіи изъ жизни народа, хотя бы уже украшенный вымыслами, можетъ только тогда получить окраску солнечнаго, или натуралистическаго мѣра, когда поэтическій языкъ уже выработанъ среди народа. Кромѣ того, надо, чтобы въ темную массу народа проникло умѣнье восхищаться красотой природныхъ явленій. Дитя не восхищается красотами природы, какъ не восхищается ими дикарь Австраліи, или африканскій бошменъ. Необходимо, чтобы народъ былъ обеспеченъ матеріально, чтобы подняться до наслажденія красотой; онъ долженъ достигнуть извѣстной степени развитія, чтобы освоиться съ поэтическимъ языкомъ и понимать его метафоры. Полуголодные и кочевыя племена въ періодъ необезпеченнаго существованія не могли возвыситься до поэтическаго созерцанія природныхъ явленій. Среди нихъ могли и должны были однако появляться сказанія, о которыхъ мы говорили выше: среди нихъ также накопились опытные знанія, основанныя на наблюденіяхъ природы и наблюденіяхъ надъ привычками животныхъ и птицъ, — тѣ знанія, которыя были имъ полезны для добыванія средствъ къ существованію; но среди нихъ не могло создаться ни мѣровъ, ни языка для ихъ выраженія. Все это позднѣйшее пріобрѣтеніе.

Но именно на поэтическихъ выраженіяхъ и именахъ санскритскаго языка Ведъ и основываютъ всѣ свои выводы послѣдователи этимологической школы. Но древнѣйшіе гимны не восходятъ ранѣе 1400 л. до Р. Хр. ¹⁾). Эти гимны единственные пока представители поэтическихъ образовъ солнечной и атмосферной драмы, возникшихъ въ воображеніи аріевъ. Но что же было ранѣе? Доисторическіе обитатели земли, къ

¹⁾ Такъ Vivien de St. Martin dans sa «Géographie des Védas»; а самъ Максъ Мюллеръ ограничиваетъ ихъ появленіе 1200 годами до Р. Хр. Contributions etc. p. 428.

какому бы племени они не принадлежали, не могли начать съ поэтическаго языка. Поэтому то мы рѣзко и отдѣляемъ ведическое міровоззрѣніе, — воззрѣніе вновь прибывшихъ на Балканскій полуостровъ аріевъ, развитыхъ умственно и умѣвшихъ наслаждаться изящнымъ, — отъ міровоззрѣнія племенъ, не достигшихъ этого развитія, и которые только въ послѣдствіи могли сблизиться съ вторгнувшимися ахеянами и дорійцами и слиться съ ними.

Но всѣ сказанія Греціи, откуда бы они ни пришли, гдѣ бы они ни возникли, дошли до насъ только на греческомъ языкѣ и съ греческими именами.—Напр. аркадская легенда о какихъ то двухъ царяхъ, названныхъ греками Никтимомъ и Ликастосомъ, — можетъ ли она быть обращена въ солнечный мифъ на основаніи этихъ двухъ *греческихъ* именъ, которыя указываютъ на ночь и свѣтъ, какъ то дѣлаетъ М. Мюллеръ (см. Contrib. p. 651)? Тамъ же, гдѣ мы встрѣчаемъ имена не греческія, или хотя огреченныя, но не поддающіяся сближенію съ санскритскими корнями, — тамъ Этимологическая школа безсильна влючить ихъ въ атмосферныя, или солнечныя мифы. Къ такимъ именамъ принадлежатъ—напр. Акрагасъ, Аргосъ, Аркасъ, Дарданосъ, Локросъ, Македонъ, Мирмидонъ, Орхомень и мн. другія. Объ нихъ Максъ Мюллеръ замѣчаетъ только (о. cit. p. 520), что это „большей частью эпонимы странъ“, и что „весьма часто они представляются сыновьями Зевса и какой нибудь нимфы“.

Для насъ именно эти браки Зевса съ нимфами представляютъ особый видъ этническихъ легендъ, которыя возникли въ устахъ мѣстныхъ пѣвцовъ, славившихъ извѣстный родъ, но въ основаніи которыхъ лежитъ несомнѣнно этнической фактъ, — сожительство, или конкубинатъ туземной мѣстной дѣвушки съ грекомъ, отъ котораго родится новая порода людей божественнаго происхожденія. Мы приводимъ въ отдѣлѣ Прометей множество наглядныхъ примѣровъ въ подтвержденіе этого взгляда. См. напр. стр. 227 объ Аркадіи.

Точно также поводомъ, къ обращенію факта земнаго въ солнечный мифъ служатъ имена, данныя греками нѣкоторымъ географическимъ мѣстностямъ.—Островъ Эритрія, т. е. крас-